СЕДЬМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

МАРЛОУ КЕЙН

Марлоу Кейн

Седьмой свидетель

«Автор»
2026

Кейн М.

Седьмой свидетель / М. Кейн — «Автор», 2026

Следователь Анна Корнеева привыкла распутывать чужие тайны. Но однажды на месте убийства она находит папку со своим именем — и её жизнь превращается в кошмар. Шесть свидетелей. Шесть голосов. И седьмой, которого никто не видел. Телефон мёртвого звонит. Голос шепчет: «Не оборачивайся». А прошлое, похороненное четырнадцать лет назад, оживает.Тогда сгорел дом её семьи. Мать погибла. Отец сел. Дело закрыли. Теперь Анна узнаёт: всё было ложью. Мать жива. Сестра — убийца. А сеть, похищающая детей и превращающая их в оружие, охотится именно за ней. За той, кто видит смерть. За той, кто может её остановить.У неё три дня. Каждый свидетель лжёт. Каждый союзник может стать палачом. «Седьмой свидетель» — детектив о цене правды и тьме внутри нас. Вы не оторвётесь, пока не узнаете, кто же на самом деле седьмой.

© Кейн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шесть голосов 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марлоу Кейн
Седьмой свидетель

Глава 1. Шесть голосов

Дождь в Барвихе пах не землёй, а мокрым камнем и дорогим можжевельником. Он шёл ровно, без грома, будто кто-то наверху аккуратно процеживал воду сквозь мелкое сито, и от этого особняк за высоким кованым забором казался не домом, а декорацией к чужому сну. Анна Корнеева вышла из машины, не раскрывая зонт. Она всегда так делала на местах преступлений: холодные капли на лице помогали ей быстрее стряхнуть с себя дорогу и войти в чужую беду с пустой головой.

Ей было тридцать четыре. Старший следователь по особо важным делам, криминальный психолог по первому образованию, человек, которому начальство доверяло самые странные дела — не потому, что она была удобной, а потому, что она редко ошибалась в людях. Анна умела смотреть на человека так, будто читала не лицо, а черновик его будущего. Это пугало коллег. Это же спасало её саму.

У ворот её встретил оперативник Гриша Ветров — молодой, промокший, с блокнотом, который он прижимал к груди, как ребёнок прижимает к груди хлеб. Он начал говорить ещё до того, как она прошла через калитку.

— Павел Верещагин. Сорок семь лет. Владелец галереи «Верещагин и партнёры», коллекционер, инвестор. Тело в кабинете на втором этаже. Горло. Одно движение, чисто. Никаких следов взлома. Сигнализация снята изнутри, камеры в доме отключены ещё в двадцать два ноль пять. Прислуга отпущена. В доме было шесть гостей. Все живы. Все на месте. И все, Анна Сергеевна, говорят, что на ужине был седьмой.

Анна остановилась.

— Седьмой?

— Так точно. Только никто не может его описать. Один говорит — мужчина в сером. Второй — женщина в красном. Третий — старик с тростью. Четвёртый вообще утверждает, что седьмого не было. Пятая заявляет, что седьмой — это не человек, а… — Гриша замялся, — проекция. Шестой молчит. Управляющий. Он накрывал стол на семь персон по приказу хозяина.

— Где они?

— В зимнем саду. Под охраной. Не общаются. Мы рассадили их по разным углам. Но, честно говоря, они и до этого не очень хотели общаться.

Анна посмотрела на дом. Три этажа стекла и тёмного дерева, приглушённый свет в окнах, мокрый гравий, следы шин, которые уже начала размывать вода. Где-то внутри лежал человек,

который сегодня вечером, вероятно, считал себя хозяином жизни. Теперь он был просто телом, вокруг которого начинается чужая история.

— Кто обнаружил?

— Эльвира Дант. Бывшая жена. Галеристка. Она первая зашла в кабинет, когда Верещагин не спустился к десерту. Сказала, что дверь была приоткрыта, свет горел. Тело сидело в кресле. Она вызвала охрану и скорую. Скорая приехала первой, но помощь уже не требовалась.

Анна кивнула и вошла в дом.

Внутри пахло воском, апельсинами и очень дорогим табаком. В холле стояла ёлка без игрушек — только белые свечи, которые не горели. На мраморном полу лежал мокрый след от чьих-то ботинок, уже почти высохший. Слишком аккуратный для паники. Слишком ровный для человека, который только что увидел труп.

Кабинет находился на втором этаже, в конце длинного коридора с фотографиями. Анна шла мимо снимков и отмечала: Верещагин с политиками, Верещагин с художниками, Верещагин на яхте, Верещагин в личном самолёте. На последней фотографии он стоял в центре группы из семи человек. Шесть лиц были видны отчётливо. Седьмое — вырезано. Аккуратно, по овалу, будто кто-то очень старался не оставить ни края уха, ни тени подбородка.

Анна остановилась. Прикоснулась пальцем к раме. Стекло было холодным. Вырез старый? Или сделали только сегодня? Она не могла сказать. Но что-то в этом доме уже начинало говорить с ней на языке мелких несовпадений.

В кабинете работали криминалисты. Тело Павла Верещагина сидело в кожаном кресле у камина. Голова была откинута назад, глаза открыты, на губах застыла странная полуулыбка — не испуг, не удивление, а будто он в последнюю секунду понял что-то, что ему очень не хотелось понимать. Рана на шее была тонкой, почти хирургической. Кровь пропитала воротник белой рубашки и стекала на пол тёмной, уже загустевшей дорожкой. На коленях убитого лежала маленькая бронзовая пластинка с цифрой «7». Пальцы правой руки были сжаты так, что костяшки побелели. В левой он держал телефон. Экран был разбит, но аппарат работал.

— Время смерти? — спросила Анна.

— Предварительно между двадцатью двумя тридцатью и двадцатью тремя. — Судебный медик, полный мужчина с усталыми глазами, даже не поднял головы. — Но есть нюанс. Температура тела ниже, чем должна быть. Либо в комнате слишком холодно, либо его убили раньше, а потом… — он пожал плечами, — потом что-то делали с телом. Или с комнатой. Я не люблю такие дела.

— Кто ещё не любит такие дела?

— Все, кто сегодня здесь работает.

Анна обошла кабинет. Стол, заваленный каталогами, бокал с недопитым вином, пепельница с одной сигаретой, которая сгорела до фильтра, но не была затушена. На стене — семь

царапин. Не рисунок, не надпись. Просто семь длинных борозд, будто кто-то провёл по штукатурке ножом. Анна посчитала их дважды. Семь. Ровно.

На журнальном столике стоял диктофон. Старая модель, с кассетой. В доме, где всё управлялось с планшета, — кассетный диктофон. Анна нажала кнопку воспроизведения. Плёнка зашипела, потом послышались голоса. Семь голосов. Шесть из них она уже примерно представляла — по интонациям, по манере перебивать, по паузам. Седьмой был тихим, будто человек говорил в сторону, но его слышали все.

— …за тех, кто уходит, — сказал первый голос, мужской, уверенный.

— За тех, кто остаётся, — ответил женский.

— За тех, кто ещё не решил, — сказал третий, с усмешкой.

Бокалы звякнули. Потом наступила тишина. И в этой тишине седьмой голос произнёс очень отчётливо, почти по слогам:

— Вы не должны были меня приглашать. Теперь один из вас уже мёртв.

Плёнка закончилась. Анна перемотала. То же самое. Она перемотала ещё раз. Голос не изменился. Он не дрожал. В нём не было угрозы. В нём была констатация.

— Кто-нибудь слышал эту запись? — спросила она.

— Нет, — ответил Гриша. — Диктофон нашли в столе, в нижнем ящике, под бумагами. Он был выключен. Но плёнка свежая. Запись сегодняшняя. Мы проверим.

— Проверьте. И найдите мне всех, кто был за столом. По одному. Начнём с управляющего.

Олег Соловьёв сидел в зимнем саду на плетёном стуле, выпрямившись так, будто проглотил линейку. Ему было сорок четыре, но выглядел он старше: сухое лицо, седые виски, руки, которые всё время что-то искали — то пуговицу, то край стола, то собственный карман. Он не пил воду, которую ему поставили. Не смотрел в сторону кабинета. Когда Анна села напротив, он сказал первым:

— Я накрывал на семь персон. Хозяин приказал. Сказал: «Олег, сегодня будет семь гостей. Седьмой придёт позже. Прибор поставить заранее». Я поставил. Но когда все сели, седьмого места не было. То есть стол был на шесть. Я спросил хозяина. Он сказал: «Всё правильно. Седьмой уже здесь».

— Что это значит?

— Я не знаю. Я управляющий. Я не задаю вопросов, на которые хозяин не хочет отвечать.

— Вы видели седьмого?

Олег помолчал. Потом поднял глаза. В них не было страха. В них была усталость человека, который слишком долго носил чужую тайну.

— Я видел тень. В коридоре, у лестницы. Она прошла мимо меня, и я почувствовал запах. Не духи. Не одеколон. Что-то… больничное. Как в старых аптеках. Когда я обернулся, никого не было. Но дверь в кабинет хозяина была закрыта. А до этого она была открыта.

— Вы сказали охране?

— Нет. Я решил, что мне показалось. В этом доме часто кажется. Знаете, когда человек слишком богат, у него в доме начинают жить не только люди.

— Вы знали, что хозяин собирает диктофонные записи?

Олег впервые удивился.

— Павел? Нет. Он ненавидел, когда его записывают. Даже на интервью запрещал. Говорил: «Слово должно исчезать, как дым».

Анна записала: «Диктофон — не Верещагин». Она ещё не знала, что с этим делать, но уже чувствовала, что это важно.

Следующей была Эльвира Дант. Она сидела в кресле у окна, положив ногу на ногу, и курила тонкую сигарету, хотя в доме курить было запрещено. На ней было чёрное платье, которое слишком хорошо сидело, чтобы быть траурным. Эльвира не плакала. Её глаза были сухими и злыми.

— Мы развелись четыре года назад, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Но остались партнёрами. Павел был… сложным человеком. Он умел делать деньги из воздуха и врагов из друзей. Я не удивлена, что его убили. Я удивлена, что это случилось так поздно.

— Вы нашли тело.

— Да. Я зашла, потому что он не спустился к десерту. Он всегда спускался к десерту. Это была его единственная педантичность.

— Что вы видели в кабинете?

— Всё как сейчас. Он сидел в кресле. Кровь. Телефон в руке. И этот запах.

— Какой запах?

Эльвира затянулась.

— Аптечный. Как будто в комнате только что вскрыли ампулу. Я подумала, что это его лекарства. У него было давление.

Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине. Управляющий сказал то же самое. Аптечный запах. Но в кабинете не было никаких лекарств. Криминалисты бы заметили.

— Вы видели седьмого гостя?

Эльвира усмехнулась.

— Дорогая, я видела мужчину в сером костюме. Он сидел справа от меня и всё время молчал. Пил только воду. Не ел. Когда Павел произнёс тост, он не поднял бокал. Я подумала, что это какой-то новый проект Павла. Он любил нанимать людей, которые играли роли. Для атмосферы.

— Вы можете его описать?

— Высокий. Темные волосы. Лицо… — Эльвира замялась. — Странно. Я смотрела на него весь вечер, но не могу вспомнить лицо. Как будто вместо него было что-то гладкое. Как отбелённая бумага.

— Он назвал себя?

— Нет. Павел сказал: «Это седьмой». И больше ничего.

Кирилл Мещерский, адвокат и старый друг Верещагина, был следующим. Он говорил быстро, гладко, как на суде, но Анна заметила, как подрагивает его левое веко. Он утверждал, что седьмым была женщина в красном платье. Представилась журналисткой. Задавала странные вопросы. Например, сколько стоит молчание. И ещё: «Кто из вас первым умрёт?» Кирилл решил, что это неудачная шутка.

Софья Верещагина, младшая сестра убитого, сказала, что видела пожилого господина с тростью. Он назвался антикваром. Но антиквар ничего не продавал и ничего не покупал. Он просто смотрел. И улыбался.

Тимур Асланов, инвестор, вообще отказался признавать седьмого. «Было шесть гостей. Я считаю людей. Это профессиональное. Шесть. Если кто-то говорит о седьмом, он либо врёт, либо сошёл с ума». Но когда Анна спросила, почему на столе стоял седьмой прибор, Тимур замолчал. Потом сказал: «Верещагин любил театр. Даже за столом».

Лидия Крон, психотерапевт и, как выяснилось, давняя консультантка Верещагина, говорила медленно, будто взвешивая каждое слово. Она была единственной, кто не назвал ни одного приметы. Вместо этого она сказала:

— Седьмой — это не человек. Это функция. В группе из шести человек всегда появляется седьмой — тот, кто наблюдает. Мы все видели разное, потому что он не хотел быть увиденным. Он хотел, чтобы мы увидели себя.

— Это вы так думаете или он вам сказал?

Лидия посмотрела на Анну внимательно.

— Он сказал мне: «Вы будете помнить меня хуже всех. Потому что вы единственная, кто понимает, что меня нет».

Анна вышла из зимнего сада с ощущением, что её обманули шесть раз подряд. Каждый говорил правду. И каждый говорил ложь. Так бывает, когда люди рассказывают не о том, что было, а о том, что им выгодно помнить.

Она поднялась в кабинет. Криминалисты уже закончили. Тело увезли. На полу остался белый контур, похожий на тень человека, которого здесь больше нет. Анна села в кресло Верещагина. Оно было ещё тёплым? Нет, показалось. Она провела рукой по столу. Под зелёным сукном что-то было. Она приподняла край. Тайник. Маленький, с кодовым замком. Код был простым — семь. Внутри лежали семь папок. Шесть тонких, одна толстая.

На каждой было имя. Эльвира Дант. Кирилл Мещерский. Софья Верещагина. Тимур Асланов. Лидия Крон. Олег Соловьёв. Внутри — досье. Фотографии. Даты. Слабости. Долги. Секреты. Всё, что нужно, чтобы держать человека на коротком поводке. Анна перелистывала страницы и чувствовала, как в комнате становится теснее. Верещагин собирал не искусство. Он собирал людей.

Седьмая папка была подписана её именем.

«Анна Корнеева».

Внутри — её фотографии. Утренняя пробежка. Кафе на Никитском. Её квартира. Её машина. И ещё один снимок, старый, чёрно-белый: она, двадцатилетняя, стоит на пороге дома, который сгорел много лет назад. Дом её отца. Дом, в котором погибла её мать. Дом, о котором она не рассказывала никому.

На последней странице было напечатано одно предложение:

«Седьмой свидетель — тот, кто найдёт тело. Ты опоздала на семь минут».

Анна посмотрела на часы. 00:07. Она вошла в дом в 23:23. Ровно семь минут после того, как, по словам охраны, погас свет в кабинете. Она не должна была знать этого. Она не говорила никому, во сколько вошла.

За её спиной тихо скрипнула дверь.

Анна обернулась. В кабинете никого не было. Только дождь стучал по стеклу, и в тёмном окне отражалась она сама — усталая женщина с папкой в руках. Но отражение было не совсем её. В отражении за её плечом стоял седьмой человек. Высокий, в сером. Без лица.

Анна резко обернулась. Пусто. Она снова посмотрела в окно. Отражение исчезло. Но на стекле, изнутри, кто-то только что написал пальцем одно слово. Оно ещё не успело высохнуть.

«ОБЕРНИСЬ».

И в этот момент её телефон, лежавший на столе рядом с диктофоном, зазвонил. На экране высветился номер Павла Верещагина. Мёртвого Павла Верещагина. Анна смотрела на экран три секунды, которые показались ей тремя ударами сердца. Потом ответила.

В трубке было тихо. Потом мужской голос, очень спокойный, сказал:

— Вы уже седьмая, Анна Сергеевна. Не оборачивайтесь. Тот, кто стоит за вами, — не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.